

Владимир КОЛЕСОВ

Краснодар

Черкесские (горские) греки

Владимир Игорьевич Колесов — соискатель сектора Кавказ Института этнографии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, этнограф, сотрудник Центра понтийско-кавказских исследований (Краснодар). С 1993 года В. И. Колесов принимает активное участие в изучении групп этнических меньшинств Краснодарского края (урумы, понтийские и черкесские греки, удины и др.). В настоящее время работает над диссертацией на тему "Этническая история черкесских греков".

АМОНАЗВАНИЕ — у р у м (в адыгейском служит так же термином для обозначения греков вообще), происходит от тюрко-турецкого термина, что определенно указывает, либо на Крым, либо минуя Крым, непосредственно на Анатолию и Понт, в качестве возможных источников заимствования.¹

В российских документах XIX века называются "горские греки"², "закубанские греки"³, "азиатцы".

Происхождение (этногенез)

Вопрос о происхождении горских греков Кубани остается неразработанным: в литературе этот вопрос даже не рассматривался. Существуют две вероятности их происхождения: 1) либо они остатки православного греческого населения черноморского побережья Кавказа, со временем перешедшие на черкесский язык; 2) либо — немногие оставшиеся черкесы-христиане, называемые греками по своей принадлежности к православной вере.

В какой-то степени, возможно, может пролить свет на этногенез горских греков легенда, записанная прикомандированным к 27-му конному полку для составления его истории хорунжим С.Захаровым у пожилого абадзеха: "Назад тому прошло много сот лет, как на Кавказе на северном и южном склоне хребта, жили так называемые урумы — христианской веры отколь, какого государства, и что был за народ эти урумы, он не знает; только в одно время турецкий султан прислал к ним очень много своего войска, будто бы с миролюбивыми видами, и в защиту их от каких-

то неприятелей, но вышло напротив, — турецкое правительство добываясь с давнего времени подданства урюм лестию и силою оружия, и желая овладеть прекрасною странюю и богатствами Кавказа, не могло этими путями достигнуть своей цели; решилось прибегнуть к хитрости — доверчивые урумы, впусив в свою землю многочисленное турецкое войско, вполне убедились что оно пришло охранять их от неприятеля, отнюдь не подозревая злого их умысла. Чрез недолгое время прибывшее Войско, видя доверие к ним урюмов, ринулось на них всеми силами, и истребило наполовину мужской пол, а остальных взяло в плен и поработило к себе в крестьяне. После приведения в исполнение предписанного турецким правительством плана, начальнику этим войском конечно следовало возвратиться в Турцию и донести о покорении урюмов, но он, а равно его помощники и все турецкое войско, пленившись красотою жен изменнически убитых ими урюмов, прекрасным и здоровым климатом и в особенности золотоносными розсыпями находящимися где-то в горах по их понятию целыми буграми, остались жить в горах навсегда, отложившись притом от подданства Турции. Правительство турецкое, узнав об этом посылало несколько раз отряды для наказания изменщиков, и отнятия у них покоренного края, но отряды эти особого важного вреда причинить им не могли, а некоторые присоединились даже к ним, и потому они оставались на Кавказе неприкосновенными. Из числа начальников турецкого войска оставшегося на Кавказе, главные начальники назвали себя ханами, а затем остальные чиновники князьями и дворянами, потомки первых князей в абадзехском племени остались

князя Болотуковы, в последствии уже когда было тесно жить в горах, прибывшие турки размножившись и разделившись на разные племена, перешли жительство на Белую и Лабу к границам ногайцев, на вопрос не находили ли азиатцы в горах каких либо материалов, абадзех этот отозвался так: что до вторжения сюда турок первые жители урумы, находили будто бы в горе Котъх золото, которое здавали в Турцию имея с оной сообщение в Анапе, прямою дорогою по этой же горе Котъх, которая идет валом нигде непресеченною от самой Анапы на юг, и упирается с левой стороны в р. Пшишь противу Ст. Куринской, и что кроме того с прибытием к ним Магомет Амина, было открыто серебро на северном перевале в верховьях р. Белой, для разработки этих рудников Магомет Амин посылал будто бы до 200 человек русских беглых и пленных, и что начали было уже добывать серебро, но убыхи узнав об этом двинулись в больших силах чрез перевал к открытым рудникам, и истребили всех решительно там бывших, русских и абадзехов, когда повелитель азиатского народа узнал о том поступке убыхов, спрашивал их. На каком основании они позволили себе разрушить его укрепление и побить рабочих, которые на это отозвались, что они поступили так очень справедливо, потому что если русские узнают что в горах есть серебро, двинут все свои войска в горы и покорят их очень скоро, Магомет Амин получил таковой ответ и вероятно находя его справедливым, оставил свои занятия по разработке этих рудников, и более их уже не начал”.⁴

Нам кажется, что появление этой этнической общности как таковой, связано с приходом русских на Северо-Западный Кавказ. Действуя как внешний катализатор, российская политика и идеология оказывала несомненное влияние на процессы, проходившие в адыгском “мире”. Среди социальных сценариев поведения появился до того несуществовавший: можно было уйти на российскую территорию. Тем самым, перейти в другое социально-культурное “поле” и избавиться от нежелательных для себя результатов (последствий). И это касается не только христианского населения: на российскую территорию выходят представители всех черкесских “племен”, а также татары и ногайцы. И именно, этническая история горских греков начинается с выходом их: до этого они были полностью инкорпорированы в адыгское

общество и нельзя говорить о собственной истории и культуре этой общности.

Не следует забывать, что до принятия ислама адыгское население придерживалось христианской веры православного толка, конечно, весьма поверхностно,

Формирование. Этноареальные группы. Поселения

В поле зрения европейцев, как русских, так и иностранцев (чаще всего чиновников и путешественников или шпионов), греки, проживающие среди адыгов попали в первой трети XIX столетия, когда интерес к Северо-Западному Кавказу необычайно возрос, в связи с русско-турецкими войнами. Горское население стало делиться российскими чиновниками на “мирное” и “немирное”, появились случаи перехода чем-либо недовольных горцев в русские владения на земли Черноморского Казачьего Войска. Таких горцев селяют в два населенных пункта, появившихся в начале XIX века: Гривенский Черкесский аул и Татарское селение Ады. Судя по переписке между кордонными постами, карантинами, пограничными укреплениями и Войсковой канцелярией, заселяют вышеозначенные пункты горцы из разных адыгских племен (в большей степени шапсуги и натухаевцы, в меньшей — абадзехи, махашевцы и керкнейцы-черченеевцы), ногайские татары [если правомочен такой термин], а также армяне и позднее греки. Так, впервые российские власти сталкиваются с адыгоговорящими армянами и греками, которые в документах получают наименование горских или черкесских. По имеющимся у автора архивным данным первые семьи горских армян селятся в Гривенском ауле в 1804 году. Так, в “Ведомости о числе содержащихся в Екатеринодарском карантине бежавших из плена из черкес разного звания людей и о числе выходящих в Россию из-за Кубани черкес и армян” находим даты выхода в российские пределы армянских семейств. 9 апреля 1804 армяне Хачадур Темгуов (в другом документе Хачадэр Темиров) с женою его Дуспи, детьми Каспаром, Титу, Санупом, Панзиамом и с ясырями из черкес вдовою Чекин Хатне, детьми ее сыном Сулаах, Абреч, дочерьми Гачекош и Тотнозо и девицей Нав; армянка вдова Ширин с сыновьями Михаилом, Аванесом (его женой Занезан), дочерью Фиж; армянин Тич Баронов с женою Курин, сыном Балаба-

ном и с ясырями из черкес переселились на нашу сторону и были поселены в Гривенский аул.⁵ 13 апреля переселяются армяне Киркор Мержанов, Повагем Агупов и ясыри их из черкес, они тоже оседают в Гривенском Черкесском ауле.⁶ 30 апреля того же года вдова из армян Даш с сыном Нахупшем и дочерью Наск попадает в поле зрения Екатеринодарской карантинной заставы и определяется на жительство все туда же — в Гривенский аул.⁷ В этом же деле встречается упоминание и о греках, прошедших через карантинные мероприятия 7-9 июня 1804 года. Но, судя по характеристике “жительствующий за Кубанью зашедший туда из Трапезона грек Данила Пандели (в другом месте Данило Опандилов), жена его Екатерина, сын Иван, ясирь из черкес Анна Гошемаф”, просящие о русском подданстве и о водворении в Таганрог⁸, являлись временными жителями Закубанья, и вряд ли их можно отнести к горским черкесским грекам, хотя, скорее всего, они знали “черкесский” язык, раз даже имели крепостную из черкес. С другой стороны, данный пример может быть показателем как в вопросе происхождения данной группы греков, так и их самосознания — раз имелись связи с греками Трапезунда, откуда эта группа могла произойти, но, вероятно, благодаря именно им у черкесоговорящих греков поддерживалось устойчивое греческое, то есть православное самосознание.

Формирование этой этнической группы связано с появлением ее в пределах Российской Империи, выходением из-за Кубани на территорию Черноморского Казачьего Войска. Дело в том, что, по-видимому, среди адыгов греки жили дисперсно семьями или группами семей вместе с горскими армянами, и отдельных “греческих” поселений (аулов) не составляли.

На территории Черноморского Войска черкесские (горские) греки появляются в 1823-24-х гг. Об этом можно говорить определенно, судя по документам, датированным этими годами. Попадают греки в Россию случайно: 4 сентября 1823 года грек Урус Дмитров (Дмитриев) был взят в плен при истреблении в Закубанье российскими войсками черкесских аулов. Оставшись на жительство в пределах России, поселившись в Гривенско-Черкесском ауле, он решил стать российским подданным и вызвал из Закубанья своего сына Петра. А в январе 1824 года стал просить разрешения Начальства пропустить его за Кубань “для взятая сюда его семейства для совместного его

сним жительство — в 10 душах обого пола состоящего, находящегося в Чирчинеином владении”. Его просьба прошла по всей иерархической лестнице от войскового есаула ст. Гривенской Пшекуя Могукова до Ермолова и была удовлетворена, с условием, что Дмитров найдет поручителей, напишущих расписку о возвращении Дмитрова в Россию. Также он был приведен к присяге. 2 февраля 1824 года Урус Дмитриев дал поручительную подписку на имя Атамана Черноморского Казачьего Войска полковника Матвеева в том, что он из Закубани предполагает “возвратиться на жительство в Гривенский Черкесский аул непременно, в уверение чего и оставляю я в Гривенском Черкесском Ауле у Авагема Жантамирова родного моего сына Петра 12 лет...” Расписались поручитель армянин дворянин Овагим Жантемиров (так в документе — *Прим. автора*), а вместо неграмотного Дмитриева подписался “Нахичеванской житель Карп Атаманов”. Дмитров возвратился в середине июля: полковник Долинский доносил, что смотритель Малолагерного менового двора есаул Ляшенко 18 июля “переправил при оном дворе из Закубани на нашу сторону Российско-подданного грека Николая Дмитриева сына с женою его, двумя сыновьями, крепостною с двумя же сыновьями, и именем двумя арбами; 13 штуками рогатого скота, и одною лошадию ... отправил в Екатеринодарскую Карантинную Контору”. Последняя сообщила, что 19 июля вернувшийся грек Урус Дмитриев “поступил в здешний Центральный Карантин с женою Гуль, сыном Павлом, племянником Федором, крепостною женщиною Лепор, с сыновьями ея: Тапчеж и Пшегуком с нужным на них одеянием, домашним имуществом, одною лошадию и 13 штуками рогатого скота”.⁹ То есть, можно утверждать, что Николай Дмитриев и Урус Дмитриев одно и то же лицо. По-видимому, эти имена: бытовое (адыгское) и официальное (православное, греческое) одного человека.

В своей известной работе Ф. А. Щербина упоминает, что в 1823 году вместе с черкесскими армянами и грек Техтемиров просит дозволения у российских властей переселиться на территорию России.¹⁰ Расширяет этот сюжет М.В. Покровский: “В феврале 1823 г. большая группа армянских и греческих купцов, живших за Кубанью, выразила желание переселиться на русскую территорию. Получив согласие военных властей, они приступили к переходу на правый берег Кубани, но не-

жиданно натолкнулись на сопротивление своих “подвластных”, которые не пожелали переходить в Россию вместе с хозяевами, узнав, что это не сулит им освобождения. Встревоженные купцы направили в Екатеринодар делегата — греческого купца Тентемирова, который потребовал применения русского оружия для воздействия на не желавших переселяться. Когда же ему было отказано, то армянские и греческие купцы вынуждены были оставить свое намерение”.¹¹ Как соотносится Дмитров-Демтиров с Тентемировым-Тентемировым неизвестно: фамилии по звучанию схожи, но события разнятся.

В то же время, в 1825 году была составлена опись проживающим в этих местах семействам: “Ведомость Черкесским и армянским семействам жительствоющим в Екатеринодарском округе при Ангелинском ерку с показанием какое они имеют состояние. Учинена августа 17 дня, 1825 года”. Перечислю черкесских армян, так как в культурном плане они очень близки грекам (говорят на одном языке, принадлежат к христианской церкви), поэтому рассматривать этническую историю черкесских греков отдельно от армян неразумно, да и невозможно. Итак, в ведомости упомянуты под грифом “Армяны”: сотенный есаул Авагим (6 дворов — 10 мужчин и 12 женщин), Евдоким 9 (1 двор — 3 мужчины и 8 женщин), Мартин (1 двор — 1 мужчина и 2 женщины), Шеора (1 двор — 4 мужчины и 3 женщины), Бабуч (1 двор — 3 мужчины и 2 женщины), Рутак (двора нет, 3 мужчины и 3 женщины), Чух Бабий (1 двор — 2 мужчины и 4 женщины), Николай Темтурк (1 двор — 3 мужчины и 3 женщины).¹² Создается впечатление, что последний в вышеприведенном списке Николай Темтурк — Николай (Урус) Дмитров: в более поздних списках представители этого рода фигурируют как Демтировы, а Темтурк — искаженная форма Демтирова. Если гипотеза автора верна, то греки были записаны среди армян, что еще раз говорит в пользу однородности сообщества “адыгоговорящие армяне и греки”.

По справке, составленной 9.12.1830 г. в Гривенском Черкесском ауле состояло черкес и армян мужского пола 153 человека и женского пола 119 человек, то есть, и в этот раз греки не упоминаются.¹³ В то же время в деле 1834 г. встречаем упоминание о посемейной ведомости Гривенского Черкесского аула “Черкесам, Армянам и Грекам живущим в оном ауле”.¹⁴ С чем связано появле-

ние упоминания греков в списках? Может быть, с увеличением численности греков в Гривенском ауле? Косвенно, об этом же свидетельствует документ от июня 1834 г. о пропуске “с Закубани на Нашу Сторону” сестры “Трека Петра Дмитрова живущего в Черкесском Гривенском ауле, Хани с мужем ее Бах, одною девочкою...”, Петр Дмитров сын Уруса (Николая) Дмитрова УЖЕ ЖИЛ (выделено автором — *Прим. автора*) в Гривенском ауле.

Согласно приговору общества станицы Новонижестеблиевской от 21.09.1847 г., “армяне и греки самовольно по одному приглашению Полковника Хан Герее поселились на правой стороне Ангелинского ерика..”,¹⁵ то есть около Гривенского аула. Вряд ли это поселение было самовольным, потому что всякий пересекавший границу подвергался карантинному очищению и местная власть в лице наказного атамана определяла будущее место жительства человека.

После Дмитровых, одними из первых переселенцев-греков было семейство Николая Сафире, в ноябре 1832 г. “изъявившего желание водвориться навсегда в Гривенском ауле”. В Екатеринодарском карантине рассматривалась его просьба, а также предложение Заводовского “Трека Николая Сафире...перепустить из Закубани с его семейством”. Вопрос был решен положительно: по явке грек должен быть перепущен в Марьянский кут с семейством и имуществом, в котором и подвергнут 21 дневному карантинному наблюдению.¹⁶ До этого на Екатеринодарском меновом дворе Николай Сафире показал, что он родился за Кубанью в “Абазехском племени”, потом перешел на жительство в “Хамышейские владения в аул Гадыгабль”, семейство его состоит из жены, двух сыновей и двух дочерей, и он желает поселиться в Гривенском ауле. Просьбу его удовлетворили.¹⁷ Необходимо отметить, что и армянская часть христианского населения аула формировалась не одноактно, а одновременно и небольшими партиями и группами. Такой же путь прошли по-видимому и греки.

В июле 1840 года из-за Кубани к Екатеринодарскому меновому двору прибыли грек Ян Какше (Кокше) с женою Урун-Хан и детьми: сыном Назаром, дочерьми Марьею, Софьею и Нашхо, а также семейство армянина Балдысара Григорьева с женою Еленою, сыном Вартерем, дочерью Гозарь и крепостным мальчиком Гачеке. В Екатеринодарском Карантине 19 июля “при вопро-

се” прибывшие показали: “до сего же жительство они имели в Абазехского народа”, переселились из-за Кубани по собственным своим желанием и намерены водвориться в России на всегдашнее жительство, где Начальство им укажет.¹⁸ 20 июля 1840 года те же люди были допрошены уже в Канцелярии Наказного Атамана Войска Черноморского, где и сообщили следующие сведения. Армянин Богдасар Киркоров “показал”, что ему 70 лет, жене его Елене 35, сыну Вартересу 17, дочери Кугар 15 и крестьянину Гажимафу 12. Все они вероисповедания григорианского, кроме крестьянина, происходящего из “Черкес Абазехского племени и исповедующего магометанскую веру”. Жительство имели при речке Сухупс и с давнего времени имели желание перейти на жительство в Черноморию. В июне того же, собравшись со всем имуществом, отправились в аул Хамышевского владельца дворянина Салимкирея, где находились до 17 июля, а потом прибыли на Екатеринодарский меновый двор, где и переправились вместе с 12 штуками рогатого скота и 3 лошадьми. Желают принять присягу на верность подданства Государю Императору и поселиться на жительство в Гривенском Черкеском ауле. Вместо неграмотного Киркорова его показания подписал урядник Прокофий Короленко.¹⁹ Грек Яни Кокче сообщил: ему 40 лет, жене Ханик 30, сыну Назару 13, дочерям Марье 10, Софии 6 и Сирме 3. Все они вероисповедания Греческого, жительство имели при реке Сухупс, вместе с армянином Киркоровым отправились в аул Селимкирея, откуда по прибытии в Екатеринодарский меновый двор переправились вместе с имуществом и 7 штуками собственного рогатого скота в российские пределы. Имеют истинное желание принять присягу на верное подданство Государю Императору и поселиться на жительство в Гривенском Черкеском ауле. Вместо неграмотного Кокче подписался урядник Короленко.²⁰ В тот же день, 20 июля им были выданы кормовые деньги на 4 месяца, то есть до 20 ноября, в получении которых вместо неграмотных переселенцев “с рукоданной просьбы подписал Нахичеванский мещанин Аксен Овсанов”.²¹ Во исполнение предписания Наказного Атамана Войска Черноморского от 23 июля 1840 г. № 1771 семейства Киркорова и Кокче были водворены в Гривенском Черкеском ауле, о чем рапортом № 170 от 17 августа того же года доложил куренной атаман урядник Гацук Татаюк.²² 19 января 1841 г. они были приведены к присяге земским начальником

Екатеринодарского округа войсковым старшиной Мальцовым. Такая задержка произошла из-за недоразумения: Черноморская Войсковая Канцелярия, выпустив указ о сем предмете 16 сентября 1841 г., прислала указ с приложением присяжного листа на магометанской исповедании. Местный начальник к приводу к присяге по этому листу приступил, но Киркоров и Кокче “таковой по случаю грекороссийского их исповедания принять не согласились, а просили привести их по закону Грекороссийского исповедания”. И только по получении земским начальником желаемого присяжного листа, они с семействами приняли присягу и были записаны в число жителей Гривенского аула.²³ Видимо, в связи с этим казусом греку Яни Кокче 3 ноября Наказным Атаманом было выдано свидетельство в том, что он, жена его и дети действительно есть вероисповедания Греческого.²⁴ Обращает на себя внимание различное написание имен и прозвищ (будущих фамилий) в российских учреждениях (см. выше), что указывает, возможно, на неустоявшуюся форму, или связано с проблемами перевода.

Следующий по времени документ 1841 г. рассказывает о переходе на российскую территорию через Павловский Пост “выбежавшего из гор Шапсугского племени” грека Семеона Серафимова 31 года с женою Пак (Пако) 28 лет, сыновьями: Маркидис (Маркидич, Марнизич) 12 лет, Андрей 9 лет, Степан 6 лет и Хапак 3 года. На месяц им были выданы кормовые деньги из расчета 10 коп. на взрослого и 5 коп. на малолетнего в день. Греческое семейство было водворено в Гривенный Черкесский аул (куренное управление), о чем и доложил Куренный Атаман Урядник Гацук Татаюк. Немаловажный факт: Серафимову был выдан билет о дозволении забрать два раза по три арбы леса, заготовленного в хуторе Поручика Султана Сагат Гирея и доставить в Гривенский аул для устройства домовладения.²⁵

К декабрю 1847 г., когда составлялись сведения об армянах и греках Гривенского аула в связи с их переселением в Переясловскую станицу, горских греков насчитывалось 7 семей (фамилии Демтировы, Серафимовы, Кокшевы, Дефтенковы): 33 человека — 18 мужчин и 15 женщин.²⁶ Но, необходимо уточнить, что с полной уверенностью говорить о принадлежности лиц женского пола к грекам мы не можем, потому что встречаются факты “межгрупповых” браков. Вышеупомянутая сестра Петра Дмитрова (Демтирова)

Хани (Хан) была замужем за армянином Бах (Бях) Барино.²⁷ Эта семья обнаруживается в списках декабря 1847 г. в Гривенском и декабря 1848 г. в Переясловском Армянском поселке. В первом случае упоминается армянин Бох Баронов и его жена Марфа²⁸, во втором — Бох Баронов и его жена Хани.²⁹ Таким образом, среди 15 “гречанок” Гривенского аула могли быть армянки и/или черкешенки, и, наоборот, отдельные гречанки могли быть записаны со своими мужьями среди армянского и черкесского населения аула.

Кроме “гривенской” группы, историю которой можно проследить в Переясловском Армянском поселке, в Прочноокопском Армянском ауле, в селе Греческом (на месте бывшего аула Хаджихабль) вплоть до конца 1867 года, можно выделить так называемые “прочноокопскую” и “эдипсукаевскую” группы. Первая соединилась с “гривенцами” приблизительно в 1865 году в Армянском ауле около Прочного Окопа (происхождение ее неизвестно), и на январь 1866 г. состояла из 10 семей (фамилии Костановы, Аслановы, Девтеровы, Кузминковы): причем указаны лишь одни мужчины — 34 человека.³⁰ “Эдипсукаевская” группа, состоящая из жителей одноименных аулов 1-го и 2-го, известна по посемейному списку, составленному в том же январе 1866 года, в связи с переселением ее, вместе с “прочноокопцами” и “гривенцами”, на место бывшего аула Хаджихабль. Согласно списку, в Эдипсукае 1-ом проживало 10 семей (все Девтеровы): 26 мужчин, 27 женщин, а всего 53 человека. В Эдипсукае 2-ом упомянуты всего две семьи (обе Девтеровы): 5 мужчин, 4 женщины, а всего 9 человек.³¹ Такие этноареальные группы можно выделить среди горских греков уже на территории Российской империи, что же касается Закубанья, то правомерно говорить о “племенном” выделении земель, и, соответственно, греки указываются как “выбежавший из гор Шапсугского племени”, родившийся в “Абазехском племени потом перешел на жительство в Хамышейские владения”, семья Уруса (Николая) Дмитриева (Дмитриева, Демтирова) происходил из Чирчинейских владений. Аналогично и черкесогаи: муж гречанки Хани, сестры Петра Дмитриева (Демтирова), армянин Бах Барино сообщает, что родился в ауле Гатукай, расположенного на реке Убыне, после смерти родителей перешел на жительство в Бжедуховские владения аул Демпикой прапорщика Беберды Батока (Батокова), состоящий при реке Кубани.³²

Что же касается поселений, то тут тоже необходимо дифференцировать поселения в Закубани и в российских пределах, держа в памяти вышеуказанную особенность их, а именно: совместность проживания с черкесами и черкесскими армянами.

О закубанских аулах, в которых проживали горские греки нам известны очень скудные сведения. Кроме упомянутых двух Эдипсукаев, это аул Гадьгабль “в Хамышейских владениях”, в котором жил Николай Сафире (см. выше); аул при реке Сухупс в “Абазехском народе” — Яни Кокче; и аул Понежуккай, житель которого грек Хатау Левтеров с семейством из 6 душ обоего пола в октябре 1865 года пытался переселиться в селение Армавир (против Прочного Окопа). Ему это не удалось — приговор общества армянского селения не согласился с переселением.³³ К этому списку аулов, с некоторой натяжкой, можно добавить аул Гатукай и аул поручика Беберды Батока (Батокова), в которых проживал армянин Бах Барино (Баронов), если предположить, что с ним жила его жена гречанка Хани, в девичестве Демтирова (Дмитрова).³⁴ Также в закубанском ауле поручика Султан Сагат Гирея жил, ожидая пропуск на российскую территорию, грек Семеон Серафимов в 1841 году (см. выше), в аналогичном случае грек Яни Кокче проживал в ауле Хамышевского владельца дворянина Селимкирея (см. выше).

На российской территории, кроме упомянутых аулов Гривенского Черкесского, Прочноокопского Армянского (Армавир), Эдипсукаев 1-го и 2-го, “гривенская” группа проживала в Переясловском Армянском поселке около одноименной станции, куда их переселили между мартом и декабрем 1848 года. Около середины 1860-х гг. “гривенцы” соединяются с “прочноокопцами” в Армавире, а затем в 1866 г. совместно с “эдипсукаевцами” основывают первый самостоятельный поселок горских греков под названием Греческий на месте бывшего аула Хаджихабль. До этого греки не проживали в “моноэтничной” среде: в Гривенском их соседями были черкесы и черкесогаи, в Переясловском — “русские” (казаки и иногородние) и те же черкесогаи, в Армавире — черкесогаи. Вместе с черкесогаями и черкесами греки проживали и в Понежукае, и в обоих Эдипсукаях. Но недолго поселок Греческий существовал: в октябре 1867 г. в него вселяют 130 семей выходцев из Великороссии и учреждается село Ново-

михайловское. В то же время, в октябре 1867 г. было составлено два посемейных списка: "... жителей села Новомихайловского, учрежденного в бывшем Греческом поселке, противу ст. Григориополицкой", "... Грекам, живущим на левом берегу Кубани, противу ст. Григориополицкой, в Греческом поселке".³⁵ То есть, по-видимому, некоторое время поселок еще был: в феврале 1868 г. старшина села Греческого "вновь поселенного противу ст. Григориополицкой" доносил в управление Урупского округа о происшествии в семье "...Туземеца Хасана Турка, временно проживающего в селении..."³⁶ Хасан Турк, из бжедух, один из тех, кто жил в ауле Хаджихабле до вселения горских греков, и хотя, было решение о выселении бжедухов еще в 1866 г.,³⁷ оно, наверное, не было реализовано. Таким образом, фактически образования "моноэтничного" греческого поселения не произошло: бжедухи продолжали в нем жить, сохранялся симбиоз.

В 1871 г. появляется аул Бжедугхабль, в котором в настоящее время проживают горские греки (см. раздел "Этническая ситуация"), и хотя большинство фамилий совпадают с оными же в Греческом (Хаджихабле), мы не можем категорично утверждать о преемственности населения этих мест.

Еще раз хочется подчеркнуть, что под формированием этой этнической общности автор подразумевает ту ее часть, которая обосновалась в пределах российского государства в 1820-1860-х гг. Неизвестно, какое количество греков осталось среди адыгского массива, но то, что таковые имелись несомненно. Англичанин Белл, путешествовавший по Черкесии в конце 30-х годов, в письме пятом от 18 мая 1837 года из района речки Цемес (современный Новороссийск — *Прим. автора*) пишет: "Тот человек, что был ранен на Аби-не, как я писал, принадлежит к старинному греческому роду; кажется, он очень хороший мастер по седельному делу и помогает своим искусством моему хозяину, но для меня интереснее то открытие, что он один из лучших музыкантов в окружающей местности. Это я узнал по его игре на незатейливом инструменте своего рода маленькой скрипке; размером этот инструмент почти со скрипку танцевального скрипача: верхняя доска почти плоская, задняя — полукруглая и просмоленная для того, чтобы править смычок; эта скрипка имеет только две струны из конского волоса,

на колышках и мостике, как и на наших; смычок почти в виде арки, или лука, струны натянуты слабо и подтягиваются рукой игрока, когда необходимо; основание инструмента упирается как у виолончели, в пол или в землю, причем скрипач сидит на полу или земле (так как здесь нет стульев) и играя, повертывает инструмент (у которого нет выемок посередине) для лучшего исполнения вариаций; он перебирал пальцами и вибрировал так же, как и мы, и с такими слабыми средствами он, однако, захватил меня и возбудил к своей игре живой интерес...". В другом письме от 22 мая 1837 года Белл упоминает этого человека "наш греческий черкес".³⁸ Также две семьи горских греков отказались переезжать из Эдипсукаев I и II (по одной из каждого) в поселок Греческий (б. Хаджихабль).³⁹ Эти факты позволяют предположить действительно произошедшее выделение части греков из адыгской среды, собственно говоря, "появление" в истории такой этнической общности, ее актуализацию по профессиональному и, возможно, по каким-либо еще признакам.

Общая численность

Динамика численности черкесских (горских) греков прослеживается весьма условно и лишь в XIX веке: по посемейным спискам и по переписи 1897 года. Отношение к подсчету численности по посемейным спискам должно быть критическим: во-первых, из-за трудностей учета лиц женского пола, указанных выше; а, во-вторых, необходимо помнить, что мы считаем только тех горских греков, которые переселились на российскую территорию.

Таким образом, на текущий момент общая численность черкесских греков составляет менее 100 чел.

Языковая ситуация

Переселившись в Бжедугхабль греки и армяне, видимо, продолжали говорить на темирговском (кӀэмгуй) диалекте адыгейского языка. Напротив, черкесогаи, образовавшие Армавир, в дальнейшем выработали свой особый этнолект, на основе диалектов тех западноадыгских племен, среди которых они проживали в прошлом.⁴⁰

Долгое время бжедугхабльские греки не были двуязычны: адыгейский язык служил для них единственным коммуникативным средством и естественной основой метаязыка культуры. Основ-

ные фольклорные жанры были адыгейскими. В греческой среде циркулировали те же тексты (или их очень близкие варианты), что и у окружающего адыгейского населения. Среди черкесов даже были известны сказители, например Ермель Тарас, от которых записано несколько версий нартского эпоса. В этом смысле можно говорить о фольклорной традиции бжедугхабльских греков (и черкесов), как о части общеадыгской фольклорной традиции. В настоящее время (1990-ые годы) лишь единицы из стариков помнят и говорят на адыгейском языке, а большинство горских греков русскоязычны.

Этническая ситуация

Горские греки как этническая группа существует только в составе этнокультурной общности. Подобные общности “обладают некой постоянной структурой из “ячеек”, каждая из которых соответствует той или иной функции, необходимой для выживания, но всегда заполняется иной внешней культурой, образуя с ней своеобразный симбиоз”.⁴¹ Горские греки же составляли симбиоз двух порядков. Первый: с черкесами, образуя его по религиозному фактору (христиане в мусульманском окружении) и по одной экономической нише в адыгском обществе (торговцы и мелкие промышленники). Второй: адыговоязущие христиане и адыговоязущие мусульмане, не отличающиеся ничем, кроме собственной идентичности. Горские греки являются конфессиональным меньшинством в адыгской среде. Пользуясь терминологией Ю. М. Лотмана, культура горских христиан находится на периферии адыгской семиосферы. Семиотическая периферия характеризуется повышенной динамикой культуры, что с особенной интенсивностью проявляется с приходом русских на Кавказ.⁴²

В Гривенском ауле была в какой-то мере продублирована ситуация Закубанья, а именно: горские греки проживали совместно с черкесами и черкесскими армянами, составляя с последними как бы христианскую однородную “ячейку”, лишь самосознанием отличаясь от окружающего адыгского населения. Видимо, это была привычная “схема”, бытовавшая и в Закубанье. Но в Гривенском она постепенно стала “трещать по швам”: видимо, в российском этнокультурном пространстве симбиотическая модель не работала. Кризис мотивировался лишениями и затруднениями в религиозном отношении, что привело к переселе-

нию всех христиан из Гривенского.⁴³ Нам же кажется, что противоречия были обусловлены не только религиозным фактором, ведь одновременно с христианами из Гривенского в Новоджерелиевскую переселяются 54 семейства черкес.⁴⁴ Причем, армян предполагалось расселить по разным станицам (Брюховецкой, Переясловской, Каневской, Деревянковской и Уманской), на что последние вместе с греками подали прошение с просьбой не разъединять их, а поселить совокупно в Переясловской. Приведенные ими доводы иллюстрируют существовавший симбиоз: “.. во-первых, потому что они еще за Кубанью, до переселения на нашу сторону, жили вместе, и что они связаны неразрывными узами народности, родства, веры и обычаев, и, во-вторых, для того, чтобы они были в состоянии взаимными пособиями поддерживать друг друга в своих нуждах, общественных и частных, и иметь, по своему вероисповеданию Священника.”⁴⁵ По первоначальному плану с греками в Переясловской станице собирались поселить лишь одно семейство армян — семью Боха Баронова. Что вполне логично: именно, Баронов был женат на гречанке Хани Демтировой (см. выше).

После переселения в 1848 г. из Гривенского аула в Переясловскую станицу и образования Переясловского Армянского поселка адыгоязущие христиане ожидали встретить более спокойную ситуацию, нежели та, которая была в последнее время в отношениях с черкесами в Гривенском. Но они встретились с восприятием себя как “чужих”, как “азиатцев”, по-видимому из-за языка и антропологического типа. В докладной записке “от общества переселенцев из Гривенского аула Армян и Греков Переясловского Аула” от 30.05.1853 г. они приводят примеры антагонизма. Казаки постепенно растащили строительный лес, привезенный переселенцами, но податели записки “..на первый случай все это перенесли и предполагали так, что жители станицы Переясловской тем хотят нас отклонить только от поселения и думали, что они по злобе к Азиатцам и нас притесняют — думали со временем увидят нашу честную и общежительскую жизнь и увидят наше хорошее с ними обращение родственное русское, привыкнуть к нам и будут с нами жить мирно; но все это выходит из последствий напротив”. Когда Рашпиль выделил им для хлебопашества землю по правую сторону Ростовской дороги и до хутора Подполковника Бармтищенко, станичные

власти им не только ни отвели земли, но вовсе вытеснили из “своей Царины”. При отыскании потерянного ранее скота, греки и армяне пытались получить на найденный скот сидельства, на что получали всякий раз отказ. “Когда же случаются какие пропажи в станице Переясловской, то они (казаки — *Прим. автора*) по злобе на нас за землю приходят к нам в Аул и обыскивают все дома; но впрочем по розыскам их никогда ничего не отыскивалось, что выказывает только их злобу на нас...”⁴⁶

В настоящее время в ауле Бжедугхабль живут в основном русские, которые появились здесь позднее. Кроме того раньше рядом с аулом располагался х. Черногоркин (по фамилии землевладельца). Сейчас он слился с аулом. Это, в первую очередь, и способствовало относительно му увеличению численности русского населения.

Вторым по численности компонентом населения являются черкесские греки. Раньше, в 20-30-е гг., по сведениям информантов, они преобладали. В а. Бжедугхабль имеются следующие их фамилии: Аслановы (3 семьи, 9 чел.), Демтировы (3 семьи, 11 чел.), Дефтеровы (2 семьи, 8 чел.), Костановы (8 семей, 36 чел.), Хазаровы (2 семьи, 6 чел.). Общая численность всех перечисленных семей — 70 чел., причем большинство из них (59 чел.) как минимум греки-полукровки (об этнически смешанных семьях дальше). Представители шестой фамилии — Серафимовых — в настоящее время переселились в Майкоп и в ауле больше не проживают. Кроме того одна семья Аслановых переселилась в Белореченск (3 чел.), и еще один человек — в Краснодар. Один человек из Демтировых переехал в Волгоград, есть одна семья с такой фамилией в Краснодаре.

Поселившиеся еще в дореволюционное время в с. Мерчанское (Крымский район), и в настоящее время полностью эллинизированные Демтировы, по-видимому, также являются родственниками бжедугхабльских Демтировых. В п. Кабардинка живут потомки переселенцев из с. Мерчанского: грекоговорящая Христина Демтирова, фамилия которой досталась ей от мужа (“черкеса”), а также Иван Демтиров, рассматривающий себя уже “самсунцем” (одна из субэтнических групп понтийских греков, представители которой проживают в Мерчанском).

Со времени основания а. Бжедугхабль, в нем или по соседству с ним, также проживали черкесские армяне: Бароковы, Богарсуковы, Хан-

жиевы, Хачадуровы. Позже к ним присоединились фамилии Аспадурьян и Каладжан, которые были армяноговорящими. В отношении еще одной армянской фамилии — Кирковых — нет достаточной ясности: являлись ли они черкесогаями, или представителями более поздних армяноговорящих переселенцев? В настоящее время в ауле осталась только одна фамилия черкесских армян, и то смешанная — Хачадуровы. Ханжиевы в последнее время переселились в Майкоп.

Остались также следующие фамилии адыгейцев: Берзеговы (1 семья), Ванавнуковы (5 семей), Мамхыгов (родом из а. Адабий, бывший учитель), Чисабиев (родом из а. Габукай, бывший учитель).

В последнее время в связи с армяно-азербайджанским конфликтом в а. Бжедугхабль, а также в окрестные села (Белое, Преображенское) переселилось несколько семей курдов из Армении.

Религиозная ситуация

В связи с вышеуказанным симбиозом горские греки и армяне занимали одну нишу в адыгском обществе — как христиане. Разница между православием и армяногригорианством не понималась. Религиозная “неразборчивость” просматривается и в документах. В описанном выше (см. раздел “Формирование...”) случае о переселении в Гривенский аул армянина Богдасара Киркорова и грека Яни Кокче приводятся данные “вспрашивания”, где первый показал, что он и его семья григорианского вероисповедания; а второй, что — вероисповедания греческого. Но когда встал вопрос о присяге, оба “по случаю грекороссийского их исповедания”, попросили привести их к присяге по закону грекороссийского исповедания, и, именно, на таковом присяжном листе и клялись. С другой стороны в деле имеется свидетельство, выданное только греку Кокче, что он, его жена и дети действительно вероисповедания Греческого.⁴⁷

Указание в совместной просьбе от 1848 года не только на “неразрывные узы родства”, но и на желание “иметь, по своему вероисповеданию Священника”,⁴⁸ говорит именно об этом феномене. Очень тонко ситуацию прочувствовал исследователь XIX века П. П. Короленко: “Здесь только сказалась духовная рознь двух наций жителей Переясловского поселка, которая за Кубанью не была заметна.” Греки были причислены к приходу станичной православной церкви, и своевременно крестили детей, отправляли другие религиоз-

ные нужды, а армяне были лишены этого: священник их вероисповедания приезжал из Екатеринодара. Отсутствие молитвенного дома и священника объяснялось не бедностью: "...нечувствительность к требованиям своей религии, развившаяся при долголетней жизни между мусульманами..."⁴⁹ И все же появившиеся противоречия, начавшие разрушать "грекоармянский" симбиоз, не мешали грекам переселиться вместе с армянами в Армавир. Видимо, только здесь религиозные разногласия стали основополагающими. Одним из мотивов для выделения греков в отдельный поселок на месте бывшего аула Хаджихабль ими указывается затруднение "выполнять христианскую религию по обряду нашей греко-русской церкви по неимению священника...", и надежда, что священник станицы Григориполисской сможет выполнять у них свои обязанности. Прошение было датировано 3 июля 1865 г.⁵⁰ Но, уже после вселения в 1866 г., греки 12 января 1867 г. подают новое прошение: они желают выписать себе греческого священника из греческого Витязевского поселка Моисея Панайота. Последний не против: он 8 декабря 1866 г. дает подписку о согласии "священнодействовать" у жителей Греческого поселка, "не прося от Правительства никакого пособия". Подписывается он на греческом языке.⁵¹ То есть, меняется культурная парадигма — для выделения из черкесо-армянской среды действовала оппозиция "православие — армяногригорианство", в новой ситуации происходит дальнейшая "этнизация", осознание своей "греческости", поэтому работает оппозиция "православие (русское вероисповедание) — греческое исповедание".

Другое дело, что Греческий поселок (б. Хаджихабль) просуществовал недолго: в октябре 1867 г. после вселения русских переселенцев он получает новое название Новомихайловское, и, по видимому, греки вскорости покидают его. Так что, если священник Моисей Панайот и приехал в Греческий, то пробыл там недолго. Но, скорее всего, он так и не присоединился к горским грекам: в июле 1869 г. мы встречаем его священником в селении Мерчан,⁵² в посемейном списке от 20 ноября 1873 г. он тоже присутствует,⁵³ таким образом, миграция Моисея Панайота имела место в эти годы, но из Витязево в Мерчанское. Так же дело осложнялось тем, что вновь прибывшие греческие священники (в их числе и Панайот) были из Турции, документов о своем статусе и чине не имели, так что русская церковная иерархия в лице

Епископа Кавказского и Черноморского Отца Феофилакта их не признавала,⁵⁴ т. е. Моисею Панайоту могли и не разрешить вести службу у горских греков.

Особенности культуры

На первых порах, греки и армяне Бжедуг-хабля внешне, по своим культурным признакам, сильно не отличались от окружающего адыгейского населения.

Видимо, первоначально дома (сакли - унэшхо) у черкесских греков были общеадыгского типа (турлучные, с соломенной крышей и др.). При переселении в аул начали закладной техникой строить рубленые деревянные дома (эта же новация, правда редко, прослеживается и в ряде адыгских аулов). Поначалу только две семьи в ауле имели более престижные кирпичные дома по типу русских.

Дома строились одно- и двухкамерными. В дальнем углу устраивался очаг с "черкесской трубой" из плетня, обмазанного глиной. Позже в первой комнате, на западной стороне, стали устраивать красный угол по образцу русских, где находилась икона и лампадки. В доме выделялась мужская и женская половины. Эта традиция исчезла к 1920-м гг.

Кухня строилась отдельно от жилого помещения. Пищу готовили в медном котле на треножнике (как известно, такие треножники были очень распространены в быту северокавказских горцев). В дальнейшем хлеб стали выпекать отдельно, в русской печи.

По одежде нельзя было отличить греков от адыгейцев. Правда очень быстро стала различаться ритуальная одежда: саван покойника, свадебный костюм невесты, которые у греков делались на русский (европейский) манер, в то время как адыги продолжали использовать их традиционные формы.

Система питания была также адыгской. Греки соблюдали и все пищевые запреты, которые к тому времени, с принятием ислама, получили распространение среди западноадыгских племен. Свинья считалась нечистым животным, поэтому ее мясо совсем не употреблялось в пищу. По словам Н. И. Демтировой, ее дед имел обыкновение колоть вилами любую свинью, случайно забредшую в их огород. Гораздо меньше, чем сейчас употребляли спиртные напитки, в том числе во время свадебных застолий.

Бжедугхабльские греки соблюдали все основные правила адыгского этикета. Как известно, адыгейцы, как и другие северокавказские горцы, и в отличие от русских, греков, армян, обладали собственной сложной системой этикетных правил — адыгэ хабзэ, например: когда в дом приходили гости, всем полагалось встать; или же, запрещено было переходить кому-либо дорогу, особенно мужчине; нельзя было мужу и жене вместе появляться на улице и т.д.

По свидетельству наиболее старых информантов, первоначально, как и адыгейцы, греки практиковали брак через умыкание. Отец все той же Н.И. Демтировой украл ее мать и женился на ней. Ему тогда (1904 г.) было лет двадцать, ей - 16 лет. В 1920-е гг. эта традиция полностью исчезает и последующие поколения о ней уже ничего не знают и относятся резко отрицательно.

Своими структурными особенностями свадьба черкесских греков повторяла адыгский тип “свадьбы со скрыванием”, используя термин М. Сигорского:⁵⁵ свадебное торжество и основные обряды проходят только в доме жениха, а не невесты; родители невесты не приходят в дом жениха; жених не присутствует во время свадьбы в собственном доме, а уходит к своим родственникам; невеста находится во время свадьбы в доме жениха (в спальне), но скрыта ото всех на весь период ритуала, и далее еще в течение двух недель; затем невесту на короткий период забирают обратно в родительский дом; приданное перевозят после свадьбы и связывают это с примирением сторон после умыкания; через год молодые возвращаются в дом невесты; избегание молодой свекра и других родственников мужа длится всю жизнь.

Первое время в обрядах свадебного цикла (собственно свадьбе) бжедугхабльских греков еще ощутимы были многие чисто адыгские ритуально-игровые элементы: конноспортивные состязания во время перевоза невесты в дом жениха, борьба за сафьяновую кожу с участием верховых (шьозехь), бой всадников дубинами при приближении к дому жениха (кьорэгъзау). Очень скоро в структуру греческой свадебной обрядности вошли новации, связанные с распространением влияния христианской церкви: в ритуал перевоза невесты было включено венчание в церкви (кьорэгъзау начинался непременно после возвращения из церкви), сама свадьба теперь привязывалась к календарному циклу христианских праздников (после

свадьбы молодую стали забирать в отцовский дом за неделю до начала Масленицы).

В обрядах похоронно-поминального цикла гораздо труднее выделить исконный слой и новации. Очевидно, эта область культуры наиболее тесно сопряжена с чисто идеологическими ценностями и, как никакая другая, зависит от профессиональных условий. Уже в бытность Н. И. Демтировой, греки аула хоронили своих умерших в гробу, на могилу ставили крест, в то время, как адыгейцы пользовались только саваном, а во всем другом поступали в соответствии с предписаниями ислама. Кроме того, у греков не было никаких ограничений на посещение кладбища женщинами.

Эти традиции не могли быть очень давними, поскольку с падением Византии и уходом генуэзцев (XV в.) — последних по времени христиан на северо-западном Кавказе, христианство здесь сильно уступило свои позиции. Накануне установления контроля русских, в Адыгее уже не было христианских кладбищ, культовых объектов, население находилось вне влияния церкви.

Поминали покойного на девятый день (мафибх “9 дней” < мафэ “день” и бгъу “девять”), сороковой день (мафатфочитф “дней сорок” < тлокитгу “сорок”) и на годовщину. Близкие обязательно носили траурную одежду черного цвета. Кроме этого, в знак траура, в течение 40 дней мужчины не брились. Но тоже самое, по сведениям информантов, было характерно и для поминальных традиций соседних адыгейцев. Интересно, что в других районах Адыгеи, первые поминки устраивали не на девятый, а на седьмой день (мафибл “7 дней” < мафэ “день” и блы “семь”).

Хозяйственно-культурный тип

Как и остальные горцы, большинство армян и греков аула занималось сельским хозяйством. В Гривенском ауле они занимались хлебопашеством и сенокосом.⁵⁶ Продолжали они заниматься хлебопашеством и скотоводством и в Перяслевском.⁵⁷ Однако “этнической” профессией для них была торговля. В досоветский период греки Дефтеровы имели магазин в соседнем русском селе Вечное (ныне с. Великовечное Белореченского района Краснодарского края). Магазин в самом ауле принадлежал армянам — братьям Богосу и Бедросу Киркоровым. Выбранная ими экономическая ниша, видимо, может рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих изоляции обеих групп, поскольку в системе цен-

ностей “аристократического”, традиционно наезднического общества адыгов, сложилось крайне отрицательное отношение.

Социальная структура

Вопрос о статусе греков и армян внутри адыгского общества довольно сложен и не может считаться окончательно разрешенным. Нынешние греки аула Бжедугхабля ничего не помнят о своей сословной принадлежности.

В целом ряде случаев высшая адыгская знать (князья пши) традиционно рассматривала представителей социальной верхушки подвластных им народов в качестве своих вассалов. В этой иерархии черкесские греки и армяне формально могли быть то дворянами, но более низкого, чем уорки ранга (у Щербины⁵⁸ — уздени I-й степени), то тфокотлями (свободными крестьянами).

В именном списке ст. Переясловской фигурируют две знатные греческие фамилии: Демтировы (3 семьи) и Дефтенковы (1 семья). Причем подчеркивается, что они “по закубанскому обычаю почитаются за дворян, но документов не имеется кроме настоящего чина”.⁵⁹ Численно эти фамилии превосходят остальных греков “из простых” (две семьи Серафимовых и одна — Кокшевы). Крепостными у греков были адыги, причем не только у “дворян”, но и у простых. Среди черкесогаев “дворянские” фамилии встречаются еще чаще. В той же ст. Переясловской на 9 “простых” семей приходится 18 “дворянских”. Мы знаем, что из вольноотпущенников (бывших крепостных) черкесогаев Армавира образовался целый адыгейский аул (а. Урупский Успенского района, Краснодарский край).

При освобождении крепостных в октябре 1863 г. было указано в форме “Сведения..” от кого именно они и как были приобретены и какого они племени. Так вот, крепостные (ясыри) урядника Петра Демтирова — “наследственные от потомства, когда и как приобретены не знает, из черкес Бжедуховского племени”; такое же объяснение приведено для крепостных Семена Довтенка (повидимому, Дефтенков в предыдущих документах — *Прим. автора*), но его ясыри “из черкес Абадзехского племени”. Крепостные же Ивана Серафимова “достались покупкою в 1860 году от Есаула Чебандфия Султанова сына Шеретлу-оглу, в чем имеет письменный документ, из черкес Абадзехского племени”. Права владельцев приведены в следующей графе, там же указаны сроки прекращения права на владения. Демтиров и Довте-

нок “как лично отозвались из давнего времени владеют на правах за Кубанских дворян, владение оными тогда может быть прекращено когда и дворян за Кубанских подвластных России владения прекратятся”. Серафимов же (кстати, из простых греков) показал “по покупке имеет условие на право владения на 20 лет, по истечении этого срока должны быть свободны”. Наличие крестьян у Демтировых и Дефтенкова прослеживается с первых посемейных списков, декабря 1847 г. в Гривенском. У Пота (Петра) Демтирова имелись “крепостная девица из Черкес Паке, мальчик из Черкес Тлемаф”, у брата Пота Павла Демтирова — “крепостная женщина из Черкес Ливоаяр”, у Семена Дефтенкова — “крепостной мальчик из Черкес Борен”.⁶⁰ В списке, составленном 12 марта 1848 г. в Гривенском указан возраст переселяющихся мужчин, в том числе и крепостным: Тлемафу 17 лет, Борену — 10 лет.⁶¹ В декабре 1848 г. список уже составляется в Переясловской станице: упомянуты те же Тлемаф, Борен и женщины Паако 15 лет и Люап 60 лет (обе крестьянки Пота Демтирова, напротив последней приписка “умерла”).⁶² В “переясловском” списке 1855-56 гг. крестьянке Пако 23 года, у нее уже есть дочь Скурин 2 лет; Борену — 18 лет.⁶³ И, наконец, при освобождении крестьян в 1863 г. в вышеупомянутом “Сведении..”, составленном еще в Переясловской, встречаем знакомые имена: у Петра Демтирова “ясыри” женщина Паке 35 лет, с дочерью Срул 8 лет и сыном Тлимофом 4 лет; у Семена Довтенка “ясырь” Борен 35 лет, с женою Цеку 18 лет и сыном Гаджимафом 1 года. Именно они указаны, как “наследственные от потомства”. Но, видимо, не было схематичного разделения: “дворяне” наследуют крестьян, “простые” греки покупают. Любой дворянин естественно мог себе купить крестьянина. Достоверно об этом можно судить по делу о побеге крестьянина Хапота Пейзакова Хут (“из сапсуг”) от владельца своего Ивана Демтирова в мае 1865 г. Полковник Могуков, житель Гривенской, на следствии показал: “..частно ему известно что он Хут куплен Греком Петром Демтировым у какого-то Абадзеха по существующим у горцев порядкам без всякой Купчи, и документы на право владения Черкесом Хут он Могуков Демтирову не выдавал...”.⁶⁴ Казаки станицы Переясловской Игнат Зуб и Каленик Белозуб в удостоверении от 19 июля 1866 г., данному Ивану Демтирову (сын Петра Демтирова — *Прим. автора*), подтвердили, “что во время жительства его Дем-

тирова в станице Переясловской соседственно с нами действительно... имел у себя крестьянина из Черкес...".⁶⁵ Крестьянина Демтирову не вернули, но Начальник Урупского округа ходатайствовал перед Высшим Начальством "о наложении на крестьянина Хапача выкупа в пользу его владельца, или же если по несостоятельности Хапача удовлетворение это сделано быть не может, то не возможно ли будет удовлетворение Демтирову отнести за счет Казенных сумм...".⁶⁶

У горских греков аулов Эдипсукай 1-ый и 2-ой тоже имелись крепостные, как минимум вплоть до января 1866 г., когда был составлен "Список семействам Греков проживающим в Псекупском Округе, объявившим желание переселиться". К сожалению, мы не имеем сведений о сословной принадлежности жителей двух последних аулов, поэтому не можем судить о способе приобретения крестьян и о правах на них. Одно можно заметить сразу: количественно крестьян гораздо больше, нежели чем у "гривенцев". На наш взгляд, это может объясняться ситуацией "естественного" (нормального) существования греков в исконно черкесском ауле, а не во вновь образованном на российской земле, ведь при переходе через границу многим грекам приходилось оставлять своих крепостных в Закубанье. К тому же, кроме крестьян, встречается случай еще одной категории зависимого населения — унаут: вдова Восаб 20 лет у грека Хурая Девтерова. Всего же в Эдипсукае 1-ом насчитывалось 35 человек крестьян (17 мужчин и 18 женщин), в Эдипсукае 2-ом — 5 человек (1 мужчина и 4 женщины).

Уже в Гривенском армяне и греки, в большей степени "дворяне", принимаются на службу русской администрацией: в посемейном списке декабря 1847 г. греки Пот, Назарий и Павел Демтировы урядники; армяне Яков Чентамиров сотник, Авдик Чентамиров хорунжий, Борис Попов, Безрук Баронов, Макар Чентамиров, Макар Попов, Никита Шарапов, Степан Карabetов, Качадур Капрелов, Карп Качадуров — урядники.⁶⁷

После переселения из Гривенского аула в Переясловскую станицу и черкесские армяне, и черкесские греки были зачислены в число войсковых жителей станицы и сохранили свои войсковые чины, а некоторые были даже повышены: Яков Чентамиров стал есаулом.

В а. Бжедугхаль ситуация могла сложиться по-другому, здесь аборигенная система сословий так и осталась без внимания русских влас-

тей. Возможно, что в течение последующего периода, в контексте уже новой социокультурной реальности, сословное положение местных греков так и не определилось. Но может быть и то, что данная группа греков не знала своих "дворянских" семей. В отличие от адыгейцев греки и армяне Бжедугхаля никогда не строили специальных кунацких (хьакIэщ). Это очень примечательный факт. Есть адыгейская пословица: "У кого кунацкой нет, того за дворянина не считают".⁶⁸

Как известно, греки и армяне — это типичный пример "демократических" народов в понтийско-кавказском регионе. Начиная, по крайней мере, с коренного изменения исторических условий в XV в., а в большинстве групп армян еще раньше, у них перестают проследиваться потомки царских и княжеских родов, исчезают зависимые сословия, и по отношению к господствующему мусульманскому слою, они становятся частью одного большого податного сословия — райятов (в случае с армянами есть несколько исключений). Очевидно, что на этом фоне социальная организация черкесских греков и армян представляет собой резкий контраст.

Очень трудно предположить, хотя и этого нельзя исключить полностью, что на северо-западном Кавказе, в силу его периферийности, в обеих группах сохранились какие-то реликтовые формы социальной жизни. Скорее всего они переняли нормы своей организации, ее код, у соседей адыгов, если только не связаны с ними еще более тесной генетической связью (об этом, см. дальше).

По крайней мере, часть "дворянских" семей среди закубанских греков и черкесогаев могла сформироваться в результате отношений аталычества между ними и адыгскими пшиуорками.⁶⁹

6 ноября 1995 г. мы побывали у греков аула Бжедугхаль, где удалось собрать довольно фрагментарные данные, которые однако дают некоторое представление о типе культуры этой очень своеобразной группы.

Горская феодальная знать отдавала своих детей на воспитание в семьи купцов — армян и греков. Благодаря установившимся таким образом аталыческим связям воспитатели получали особые права, в том числе большие привилегии в торговле. Возможно, это объясняет и тот факт, что среди "дворян" у черкесогаев встречаются фамилии настоящей знати адыгов, например: Богарсуковы, Каплановы, Тамбиевы. Многие очевидцы и

ранные исследователи адыгов говорят об обычае подобной передачи фамилии, ср. например, у Новицкого: “подвластные князей и дворян носят обыкновенно имя господина своего, которое сохраняют даже при переселении”.⁷⁰

Итак, после описания, даже такого поверхностного, перед нами предстает очень своеобразная этническая общность: с осознанием собственной идентичности и с полнейшим отсутствием этнически маркированных элементов культуры, включая язык. Очевидно, тоже самое можно сказать и в отношении черкесских армян, на раннем этапе их существования (позднее в Армавире, как мы видели, у них все-таки возникает нечто специфическое, по крайней мере, в языке). Один из первых очевидцев, посетивших эту группу, И. Хозров отмечал: “Тамошние армяне ничем не отличаются от черкесов — тот же язык, обычаи, нравы, кушанья, домашняя утварь и одежда. Армянского языка не знают, и те имеют небольшое понятие о вере, которые находятся в частых сношениях с армянами, живущими в Черномории”.⁷¹

Хотя такой тип культуры и выглядит для обыденного сознания чем-то непривычным, все же он представляет собой довольно распространенное явление в понтийско-кавказском регионе. Внутри чуть ли не каждой большой этнокультур-

ной общности есть похожие в структурном отношении группы: бацбийцы и грузинские евреи в составе грузин; зоки, удины, таты-христиане в составе армян; народы “шахдагской группы”, таты-мусульмане, айрумы у азербайджанцев и т. д.

Обычно подразумевается, что возникновение их и им подобных является результатом далеко зашедшего процесса ассимиляции первоначально “полноценного” этнического материала. Но вот пример, с которым мы столкнулись во время экспедиции в Азербайджан и Дагестан — т. н. горские евреи. В течение последней сотни лет они живут отдельными группами среди различных народов: удин (с. Варташен, ныне Огуз в северо-западной части Азербайджана), азербайджанцев (г. Куба в северо-восточной части Азербайджана), даргинцев (с. Маджалис в Дагестане). В каждом случае горские евреи, как и черкесские греки, в культурном отношении почти невыделяемы из среды, которую составляют соседи, дифференцируют себя от последних по самосознанию непосредственно зависящему от идеологии иудаизма, а также особому иранскому языку, но который тоже “не свой”, поскольку является родным еще для армяно-татов (татов-христиан), татов-суннитов и татов-шиитов.

Примечание

¹ Кузнецов И. В. *Pontica Caucasica Ethnica II // Studia Pontocaucaica* Вып. 3 Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 31.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 368, л. 4.

³ ГАКК, ф. 720, оп. 1, д. 8, л. 677 об., 680, 681 об.

⁴ ГАКК, ф. 254, оп. 2, д. 216, л. 86-87 об.

⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 491, л. 6 об.-8.

⁶ Там же. Л. 13.

⁷ Там же. Л. 15 об, 16.

⁸ Там же. Л. 46 об.-47, 48.

⁹ ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 157, лл. 1-10.

¹⁰ Щербина Ф. А. *История Армавира и черкесо-гаев*. Екатеринодар, 1916. С. 56.

¹¹ Покровский М. В. *Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: Социально-экономические очерки*. Краснодар, 1989. С. 193.

¹² ГАКК, ф. 318, оп. 1, д. 30, л. 21-22.

¹³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1080, л. 2 об.

¹⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1060, л. 26 об.

¹⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841, л. 125 об.

¹⁶ ГАКК, ф. 324, оп. 1, д. 153, л. 58, 61 об., 62

¹⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1286, л. 2-4.

¹⁸ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 352-352 об.

¹⁹ Там же. Л. 353-353 об.

²⁰ Там же. Л. 381.

²¹ Там же. Л. 355-355 об.

²² Там же. Л. 358.

²³ Там же. Л. 365-369 об.

²⁴ Там же. Л. 363.

²⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1648, л. 241-251.

²⁶ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841, л. 144-147 об.

²⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1335а, л. 287.

²⁸ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841, л. 146 об.

²⁹ ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 568, л. 4.

³⁰ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 126, л. 15-16.

³¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 126, л. 9-11.

³² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1335а, л. 288.

³³ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 139, л. 1-5.

³⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1335а, л. 288.

³⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 361, л. 11, 43.

³⁶ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 462, л. 26 об.-27.

³⁷ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 361, л. 23.

- ³⁸ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (АБКИЕА), Нальчик, 1974. С. 470-471.
- ³⁹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 126, л. 9-11, 43-61 об.
- ⁴⁰ Набокова Н. М. Особенности армавирского говора адыгейского языка: Автореф. дис... канд. филолог. наук. М., 1964.
- ⁴¹ Кузнецов И. В. Указ. соч. С. 39.
- ⁴² Колесов В. И. Черкесские греки XIX — XX века (динамика культурного процесса) // Этнические процессы накануне XXI века. Материалы научной конференции 21-22 мая 1998 г. Ставрополь, 1998. С. 88.
- ⁴³ Короленко П. П. Горские поселенцы в Черномории // Известия общества любителей истории Кубанской области (ОЛИКО). Вып. III. Екатеринодар, 1902. С. 97.
- ⁴⁴ ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 940, л. 1.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4-4 об.
- ⁴⁶ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1561, л. 1-4.
- ⁴⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1618, л. 353, 365-365 об., 367, 381.
- ⁴⁸ ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 940, л. 4 об.
- ⁴⁹ Короленко П. П. Указ. соч. С. 98.
- ⁵⁰ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 126, л. 1 об.-2.
- ⁵¹ ГАКК, ф. 774, оп. 2, д. 371, л. 1.
- ⁵² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2802.
- ⁵³ ГАКК, ф. 668, оп. 1, д. 315, л. 10 об.-11.
- ⁵⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2802.
- ⁵⁵ Сигорский М. Брак и брачные обычаи на Кавказе. // Этнография. 1930. № 3.
- ⁵⁶ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841, л. 125 об.
- ⁵⁷ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1561, л. 2
- ⁵⁸ Щербина Ф. А. Указ. соч. С. 4
- ⁵⁹ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1732, л. 16-17
- ⁶⁰ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841, л. 147-147 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 214 об.-215.
- ⁶² ГАКК, ф. 254, оп. 1, д. 568, л. 3, 5 .
- ⁶³ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1732, л. 16, 18 об.
- ⁶⁴ ГАКК, ф. 252, оп. 1, д. 1732, л. 16, 18 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 1.
- ⁶⁶ Там же. Л. 4.
- ⁶⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1841, л. 144-147 об.
- ⁶⁸ Адыгейские пословицы и поговорки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 26. Тифлис, 1899. С. 4.
- ⁶⁹ Волкова Н. Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал (ИФЖ). Ереван, 1966. № 3. С. 263.
- ⁷⁰ Новицкий Г. Географическо-статистическое обозрение области, населенной народом Адехе // Газ. "Тифлиссские ведомости". 1829. № 23, цит. по: Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 262.
- ⁷¹ Хозров И. Остатки христианства между закубанскими племенами, прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев // Сборник газеты "Кавказ" за 1846 г., II полугодие. Тифлис, 1847. С. 258.

